

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАВОПОНИМАНИЯ В ПОЗИТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

*Работа представлена кафедрой теории права и гражданско-правового образования.
Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор И. Л. Честнов*

Статья посвящена проблемам соотношения политической идеологии и правопонимания в позитивистской теории права. Научная новизна и актуальность вопросов, исследуемых в статье, определяется тем, что влияние политико-правовой идеологии на правопонимание, его идеологическая составляющая является важной методологической проблемой, от решения которой зависит не только классификация типов правопонимания, но и эффективность познания политических и правовых учений прошлого и настоящего.

The article deals with the problems of correlation between the political ideology and the law concept in the positivist theory of law. The academic novelty and topicality of the issues considered in the article are determined by the fact that the influence of the political-legal ideology on the law concept and its ideological component are important methodological problems, which affect not only the classification of the types of the law concepts but also the effectiveness of studying the past and present political and legal doctrines.

В настоящий момент в юридической литературе должным образом не дана оценка роли идеологии в вопросах правопонимания. Наибольший интерес в данной сфере представляют работы В. Д. Зорькина, уделявшего некоторое внимание идеологической функции позитивистской теории права, указывая на «несостоятельность претензий на создание «чистой», свободной от идеологической функции юридической науки»¹, сторонниками которой были позитивисты.

Влияние политико-правовой идеологии на правопонимание, его идеологическая составляющая является важной методологической проблемой, от решения которой зависит не только классификация типов правопонимания, но и эффективность познания политических и правовых учений прошлого и настоящего.

В отечественной и зарубежной литературе высказывались две основные точки зрения на соотношения правопонимания и идеологии. Одна из них развита в основном на базе позитивизма и заключается в попытке деидеологизировать политиче-

скую и правовую науку, противопоставить политико-правовую идеологию и правопонимание. Другая, напротив, стремится включить в ткань правопонимания учение о политических ценностях и идеалах и тем самым реидеологизировать его. Одним из вдохновителей такого рода суждений был Б. Н. Чичерин, его естественно-правовые взгляды были направлены на реидеологизацию государства и права, преодоление характерных для позитивизма этико-политического релятивизма, противопоставление идеологии науке, отказ от познания сущности и ценности государства и права.

Сторонниками первой позиции из зарубежных исследователей были Ог. Конт и Дж. Ст. Милль, которые утверждали, что «чистая» наука не должна заниматься оценкой существующего и построением идеального порядка, ее задача, на их взгляд, заключается лишь в том, чтобы выявлять законы существования (статика) и последовательности (динамика) явлений².

Дж. Остин независимо от Ог. Конта обосновал эту точку зрения применительно к теории права. Юриспруденция как

наука, полагал Дж. Остин, «имеет дела с законами, или правом в точном и строгом смысле, без рассмотрения того, плохи они или хороши»³. Рассмотрение права с точки зрения оценки – это уже часть этики, а не науки права. Вопрос желательного права – это, по мнению Дж. Остина, предмет совершенно другой дисциплины – науки законодательства, практико-политической, этико-политической по своему характеру. Первая изучает право, как оно есть; вторая – право, каким оно должно быть.

В России позитивистский взгляд на правоведение был выдвинут В. И. Сергеевичем. Сергеевич вслед за Ог. Контом и Дж. Ст. Миллем противопоставляет две «науки» о государстве и праве – «чистую» и «прикладную». «Задача чистой науки заключается не в установлении самих норм права, а в раскрытии законом сосуществования и последовательности социальных явлений, или фактов государственной жизни»⁴. «Практическая наука, как помощница практики, должна указать тот путь, которым могут быть достигнуты цели практического действия». Задача прикладной науки заключается в том, чтобы, «отправляясь от тех целей, достижение которых считается желательным, определить те средства, которые ведут к этим целям»⁵.

Аналогичной точки зрения придерживались и представители социологического позитивизма.

С. А. Муромцев разделял юридическую науку и политическое искусство; науку о праве и политику законодательства как искусство⁶.

Подобный взгляд на юридическую науку лишил ее возможности решения своих важнейших эвристических задач – познания закономерностей развития права. С этой точки зрения невозможно понять развитие правовых учений как следствие развития общества, они предстают лишь как случайное явление. Задача юридической науки в данном случае сводится к описанию юридических явлений и фиксации существующего положения вещей, на описание кото-

рого нацелен в тот или иной период юридический позитивизм.

Следует отметить, первоначально требование «чистоты» науки о государстве и праве имело определенный положительный момент. Особое значение оно приобрело в условиях полуфеодальных институтов России, которые защищались с помощью религиозных и спекулятивно-метафизических идеологических штампов.

Попытка позитивистов деидеологизировать юриспруденцию несостоятельна и претенциозна в силу того, что их политические и правовые доктрины также идеологичны, т. е. оправдывают конкретно-историческую политическую и правовую действительность, хотя делают это не прямо, а косвенно.

Позитивизм возникает в период упрочнения экономического и политического положения буржуазии. Вследствие этого на смену феодальной идеологии приходят идеологические штампы, апологетизирующие установленные буржуазией порядки. Право при этом рассматривается как позитивный факт, не нуждающийся в каком-либо аксиологическом и причинном обосновании.

Позитивизм исключает из науки ценностные и сущностные проблемы, отрицает диалектические закономерности развития политико-правовой действительности, противопоставляет субъект объекту. Это ведет к агностицизму, фетишизму понятий и формализму. В результате право рассматривается позитивизмом как замкнутая, самодостаточная, черпающая в самой себе обоснование формальная система. В. Д. Зорькин считает: «Обвиняя естественно-правовые доктрины в произвольных допущениях, юридический позитивизм сам впал в аксиоматизм самого худшего свойства – в догматизм. Противопоставив идеологию науке, исключив из предмета науки исследование сущности и оценки государства и права, позитивизм на самом деле косвенно апологетизировал буржуазную политико-правовую действитель-

ность, воспринимал ее как догму, отрицал необходимость коренного ее изменения»⁷. Критики позитивизма единодушны в том, что идеологическая функция данного направления заключается в защите status quo⁸. Прежняя естественно-правовая школа противопоставляла существовавшей (феодальной) общественно-экономической и государственно-правовой жизни идеальный нравственно-разумный субстанционный порядок; напротив, новое направление нацеливается на эту действительность, поскольку она «реалистична».

Идеологическая борьба второй половины XIX в. привела к оправданию буржуазно-либерального политического режима. Именно в этот момент и возник позитивизм, в момент господства индивидуалистической частной собственности и свободной конкуренции. Именно контекстом либеральной идеологии определяется значение и роль позитивистской юриспруденции, позитивистской теории права и государства. Следовательно, конкретно-исторически позитивистская теория права и государства была сориентирована на защиту конституционных порядков и эволюционное, реформистское развитие буржуазного общества.

Ввиду стремления создать идеологически нейтральную теорию права, юридический позитивизм в период господства и тотального проникновения во все сферы общественной жизни идеологии марксизма-ленинизма подвергался серьезной критике. Так, В. Д. Зорькин называет позитивистскую теорию права «очередным вариантом идеологии причем идеологии консервативной»⁹.

Между тем юридическая наука и политико-правовая идеология не тождественны, поскольку принадлежат к различным сферам общественного сознания. Но они и не противоположны. По отношению к теоретическому отражению политико-правовой действительности они выступают как две различные его функции. Науку и идеологию нельзя представлять как две различные

по предмету отражения теории: и та и другая – одна и та же политическая теория, рассмотренная в различных функциональных аспектах. Политическое учение как таковое содержит два главных функциональных аспекта – идеологический (ценностный) и познавательный. С этой точки зрения политическое учение не сводится целиком ни к науке, ни к идеологии и является сложным их переплетением. Политическая и правовая идеология есть теоретическое отражение мира политики и права через призму классовых интересов. Ее задачей является теоретически выработать и обосновать систему политических и правовых ценностей определенного класса или группы – их политические и правовые цели, идеалы, нормы и т. п., – защитить их в борьбе с враждебной идеологией. Политическая и правовая идеология выступает прежде всего в виде оценки как теоретизированный конкретно-исторический политико-правовой взгляд. Поэтому ее значимость ограничена конкретно-историческими рамками существования тех классовых интересов, которые она обслуживает. Но политическое и правовое учение выступает не только как идеология, т. е. как оценка и защита определенных конкретно-исторических взглядов, интересов, но и как теоретическая конструкция конкретно-исторической политико-правовой действительности, конструкция, направленная на познание мира политики и права, их сущности, закономерностей развития и т. д.

Политическая и юридическая наука уже в силу специфики предмета своего отображения, исследования, а также потому, что познающий субъект сам является участником политического общения и, следовательно, занимает по отношению к нему определенные позиции, не может быть индифферентной к классовым интересам, политическим ценностям. В познании политико-правовой действительности не может быть преодолен ценностный подход. Осуществляя познавательную функцию и, следовательно, выступая как наука, полити-

ческая и правовая теория тем самым готовит теоретическую основу для оценки познаваемого. Политическую и правовую науку невозможно выделить в «чистом», свободном от оценок виде. Являясь знанием, теория содержит в себе предпосылку оценки данного политического и правового явления, потому что речь идет не об относительно нейтральных для человеческих интересов математических аксиомах и явлениях природы, а о политических и правовых отношениях, участниками которых являются различные по своим интересам индивиды, группы, классы. Познавая данную политико-правовую картину, человек как действующий субъект необходимо вынужден соотнести получаемые знания со своим политическим и правовым идеалом.

Это не значит, конечно, что процесс познания политики, государства и права сводится всецело к защите и оправданию классовых интересов. «Идеологическая функция познания, – отмечает Т. И. Ойзерман, – является неотъемлемой частью (но лишь частью) всеобъемлющего, не ограниченного по своему содержанию и значению познавательного процесса. Познание выражает потребность общественного производства, как материального, так и духовного, оно образует многогранную сферу духовной жизни человечества, которая, как и вся человеческая жизнь, не может быть просто средством, а является целью»¹⁰.

Относительная самостоятельность идеологического и познавательного аспектов политико-правовой теории проявляется в том, что даже в консервативных и реакционных по своей общей идеологической направленности учения могут содержаться «рациональные зерна». Так, историческая школа права, несмотря на ее некоторые объективно профеодальные черты (выступление против буржуазной кодификации и др.), была важным этапом на пути исторического подхода к государству и праву.

Но в целом само познание политических и правовых явлений обусловлено идеологическими рамками исследователя, его

социально-политической позицией. Поэтому все, что неприемлемо для данной идеологической позиции, изгоняется как враждебное и ненужное. При этом идеологическому контролю, фильтру подвергаются не только непосредственно политико-правовые концепции, но даже и естественно-научные положения, приобретающие общемировоззренческий характер и потому имеющие важное значение для самосознания данного класса. Так, в свое время были подвергнуты остракизму со стороны церкви учения Коперника, Бруно, Галилея.

Вследствие этого политическая и правовая идеология может совпадать с наукой, если носителем этой идеологии является класс, заинтересованный в прогрессе, раскрытии истинного положения дел и поэтому чуждый функций и демагогии. Познание закономерностей и тенденций развития государства и права в таком случае не противоречит его интересам, поскольку он является восходящим классом, поскольку ему принадлежит будущее. Например, выводы буржуазных мыслителей XVII–XVIII вв. об обреченности и несправедливости феодального строя были глубоко идеологичны, объективно служили восходящему классу буржуазии, но в то же время содержали в себе определенные рациональные и правильные с научной точки зрения положения по пути проникновения в сущность государства и права. Напротив, реакционные классы, как правило, неспособны к эффективному развитию политико-правовой науки. Потеряв свою прогрессивность, господствующий класс принципиально не заинтересован в истинном знании о политике и праве (их сущности, закономерностях развития, судьбе и т. д.), потому что открытие этой истины, прежде всего сущности нового исторического этапа, на котором данный класс потерял свою ведущую роль, означает осуждение, признание обреченности этого класса именно с точки зрения науки, познания объективного хода вещей. Поэтому истина в таких случаях приносится в жертву угодливой апологетике, лож-

ной идеологии, защите ценностей, потерявших прогрессивный характер.

Таким образом, политико-правовая теория в функциональном плане представляет собой противоречивое единство идеологического (ценностного, аксиологического) и познавательного аспектов. Познавание предполагает ценностную ориентацию исследователя. С другой стороны, идеологический аспект влияет на познание и саму практику, ставит их в определенные рамки. Относительная самостоятельность этих двух аспектов приводит к тому, что идеологии реакционных классов способны открывать «рациональные зерна» на пути познания сущности государства и права. Кроме того, одна и та же теоретическая конструкция может в определенной степени использоваться для обоснования различных конкретно-исторических политических и правовых взглядов и различной политико-правовой практики. Например, формулы «движения свободного права» использовались не только для похода против буржуазно-демократической закономерности, но и иногда против реакционных классов, как, например, в социологической юриспруденции С. А. Муромцева, Л. И. Петражицкого и др. Теория естественного права находилась на вооружении как буржуазии, так и феодалов. И наоборот, одна и та же идеологическая установка может быть обоснована с помощью относительно разнообразных теоретико-философских конструкций. Однако эта самостоятельность и заимствования не беспредельны. Уже в рамках теоретико-философских конструкций заложен «выход» на определенную историческую практику, конкретные политические взгляды. Так, между неогегельянскими политико-правовыми философиями либеральной и профашистской ориентации существует большая дистанция. Собственно

гегелевская философия права интерпретируется в нем весьма различным образом. Для фашиствующих неогегельянцев государство – самоцель, а личность лишь средство. Напротив, либеральные неогегельянцы пытались сочетать крайности индивидуализма и трансперсонализма.

С этой точки зрения тщетны попытки позитивистов создать «чистую», свободную от идеологии политическую науку и юриспруденцию, изобразить философско-теоретические конструкции бессодержательными в практико-политическом отношении. Связь эта может быть прямой (спекулятивно-метафизическое конструирование государства и права) или косвенной (как в позитивистской юриспруденции, ориентирующей на этический релятивизм), но в конечном счете связь эта все же существует. В этой связи примечательны слова В. Д. Зорькина: «Попытка создать «чистую» науку, противопоставить ее идеологии – это значит отказаться от исследования сущности и закономерностей развития политики, государства и права, то есть основных и центральных проблем научного знания. Феноменализм и агностицизм логически ведут позитивистов к ликвидации юридической науки как таковой, обрекают ее на формализм, догматизм вульгарный эмпиризм и антиисторизм. Но и в таком обуженном феноменалистической догмой виде позитивистская юриспруденция есть «дитя своего времени», то есть сориентирована на определенную конкретно-историческую практику, ограничена ее рамками как в познавательном, так и в идеологическом аспектах и поэтому в конечном счете оказывается субституцией той идеологии, которую, по-видимому, отвергает»¹¹. Эта теория есть не только наука, но и идеология, претензии на деидеологизацию оказываются тщетными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 235.

² Comte A. Course de philosophie positive. T. 4. Paris, 1839. P. 407. 409; Mill D. S. A system of logic. London, 1843. Book 6. Ch. 10. S. 1. 2; Ch. 12.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

³ *Austin J.* Lectures on Jurvisprudence or the philosophie of Positive Law. 4 th ed. London, 1873. Vol. 1. P. 177.

⁴ *Сергеевич В. И.* Задача и метода государственных наук: Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 34.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 14, 39, 139, 145.

⁷ *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 247.

⁸ Напр.: *Туманов В. А.* Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С. 161.

⁹ *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 256.

¹⁰ *Ойзерман Т. И.* Проблемы историко-философской науки. М., 1969. С. 323.

¹¹ *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 258.